

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Тезисы к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 22 мая 2013 г.

Конец XX и начало XXI в. стали для геополитики временем упущенных возможностей и глубоких перемен. Упущенных возможностей – в связи с неспособностью предвидеть и предсказать глубину трансформаций международной системы и масштаб геополитических изменений карты мира. Глубоких перемен - в связи с развитием старых и появлением в 1990-е годы альтернативных исследовательских стратегий.

Разговор о методологических проблемах геополитического знания хотелось бы начать, на первый взгляд, с отвлеченных рассуждений о сути и сущности понятия «профессия». Профессия, как определял ее, например, А.Вилдавски представляет собой род искусства, «ремесло», предполагающее овладение определенными навыками работы (неким мастерством) и получение соответствующего результата¹. Именно в этих смыслах – обладания определенными профессиональными навыками (мастерством, искусством) и соответствующим этим навыкам статусным капиталом – толкуется у нас понятие «профессиональное сообщество».

Между тем во многих европейских языках глагол *profess*, *professer* обладает гораздо более широким набором значений и смыслов. И один из вариантов его перевода на русский язык можно было бы обозначить как «исповедание» чего-либо – веры, убеждений и т.д. В самом общем виде «исповедание» отнюдь не противоречит «профессии». В конце концов, любая профессиональная деятельность предполагает научение чему-либо неопитов, вступающих в рамки того или иного профессионального сообщества. Так что, профессия безусловно предполагает определенные профессиональные традиции, являющиеся предметом «исповедания». Однако нельзя ограничиваться только этим. Профессионализм в смысле «мастерства» недостижим без чего-то иного – дисциплины, которая как в академическом, так и в более широком смысле этого слова, предполагает наличие определенных правил и механизмов самоограничения. Причем в академическом смысле «дисциплинирование» исследователей происходит на уровне усвоения ими определенных кодексов профессионального поведения и методологических приемов исследования, которые в некоторых отношениях, возможно, и редуцируют общую картину мира, но способствуют, в конечном счете, повышению эффективности научной работы и получению верифицируемых результатов.

В этой связи основная проблема геополитики у нас в стране видится именно в том, что геополитика как отрасль знания, достигшая высокой степени институционализации и признания (наличие огромного количества учебников, учебных программ, существование исследовательских центров и т.д.), активно «исповедующая» и транслирующая в ряды неопитов (и вообще в массы населения) собственные представления и выводы, так и не стала в полной мере *научной дисциплиной*. Иными словами, вокруг геополитики сформировалось профессиональное сообщество (пусть и специфическое в некоторых отношениях), но до сих пор не сложилось

---

¹ См. об этом Wildavsky A. *Speaking the Truth to Power: The Art and Craft of Politic Analysis*. Boston, 1979.

совокупности дисциплинарных норм и ограничений, которые собственно и превращают ту или иную отрасль знания из подобия «искусства» и «ремесла» в *научную дисциплину*. В геополитике по сей день отсутствует то, что и определяет любую научную дисциплину – понятия «минимальной профессиональной компетентности», «ролевой ответственности» геополитиков как представителей определенного академического сообщества. Методологические принципы исследований артикулируются недостаточно внятно и последовательно. Одним словом, в геополитическом анализе остается слишком много от «искусства», причем в том его виде, когда личный опыт и мировоззрение автора явно доминируют, а то и вовсе подменяют наличие «дисциплины».

Однако если обратиться к опыту эволюции геополитического знания в странах Запада и, прежде всего в США, дебаты по поводу *методологии геополитического анализа* оказались там более содержательными, а совокупность качественных трансформаций геополитики пошла сразу по нескольким направлениям. В рамках сегодняшнего выступления остановимся на трех основных: неоклассическом ренессансе в американской геополитике, геополитическом ревизионизме и геоэкономике.

Неоклассический ренессанс

В последние десятилетия в рамках глобальной экономики, а затем и в рамках революции в военном деле активно проводился тезис о том, что в новых условиях информационно насыщенного мира имеют значение прежде всего скорость принятия решений и время, а не пространство. «География исчезла». Однако ряд авторов выразил решительное несогласие с подобной точкой зрения.

Импульсы к возрождению классической линии геополитики пришли из США и оказались связаны с попытками нового структурирования евразийского пространства. В 1999 г. М.Оуэнс, профессор Военно-морского колледжа, написал для *Naval War College Review* статью «В защиту классической геополитики», в которой в качестве основной задачи США после «холодной войны» определил, совсем в духе Х.Макиндера, предотвращение образования континентального гегемона в Евразии и создания угрозы США в морской сфере любой страной или группой стран². Это послужило побудительным мотивом к возрождению на новой основе традиционной геополитики, подвигло целый ряд авторов к поискам релевантных концептуализаций происходящих в мире трансформаций в неоклассическом ключе.

Неоклассическая школа исходит из того, что содержание и цели геополитики в современную эпоху претерпели существенные изменения по сравнению с рубежом XIX-XX вв., но само геополитическое знание не потеряло своего значения. Понятийный аппарат геополитики позволяет анализировать и давать непротиворечивые и последовательные объяснения реалиям современной мировой политики, а также оценивать тенденции и перспективы ее эволюции.

Стремление к контролю пространства интерпретируется в качестве своего рода точки отсчета, перманентного импульса большой политики. В данной интерпретации, несмотря на происходящие глубокие изменения в

---

² Owens M.T. In Defense of Classical Geopolitics // *Naval War College Review*, vol. 52, no. 4 (Autumn 1999). [<http://www.nwc.navy.mil/press/review/1999/autumn/art3-a99.htm>]

мировой политике и мировой экономике, география, пространство, территориальные аспекты политического и военного планирования имеют значение. И будут иметь еще большее значение в будущем, когда нехватка ресурсов и давление природной среды дестабилизируют целый ряд стран Азии.

Наиболее заметной фигурой неоклассического возрождения и наиболее рецензируемым автором, работающим в сфере геополитики последних лет, стал старший исследователь консервативного Центра за новую американскую безопасность Р.Каплан. В нашедших статьях, посвященных геополитике XXI века³, он подчеркнул преемственность собственного творчества с геополитическим методом, использованным в свое время А.Мэхеном и Х.Макиндером, продемонстрировал понимание роли и значимости морских коммуникаций и свободы мореплавания (т.е. свободы торговли) для процветания развитых стран Запада.

Собственно в рамках «неоклассического ренессанса» наиболее пристальное внимание было уделено нескольким ключевым проблемам.

- Возникновение реге power (равной силы) и как это предотвратить.
- Перемещение центра мирового геополитического противостояния с Атлантики на Тихий или даже Индийский (Р.Каплан) океаны.
- Методы контроля пространства и новые типы пространств, доступные человечеству в ходе научно-технического прогресса (космическое пространство, например).
- Структурные факторы мировой политики (наличие и количество центров силы, определяющих глобальные политические процессы).

Геополитический ревизионизм

Зародился еще во второй половине 80-х гг. XX в. (т.н. «критическая» или новая постструктуралистская геополитика)⁴. В фокусе его внимания оказалось новое толкование географии власти и центров силы. И главное – география была репрезентирована как форма социально обусловленного знания⁵. Соответственно, геополитику, по мнению приверженцев подобных подходов, не следует рассматривать в качестве дисциплины, занимающейся изучением неких извечно заданных, объективных по самой своей сути географических факторов, позволяющих нациям артикулировать их «вечные» и опять же «объективные» национальные интересы в мировой политике. Суть методологического переворота в геополитике – пространство

³ Kaplan R.D. Center Stage for the Twenty-first Century // Foreign Affairs, 2009, March-April, pp.16-32; Kaplan R.D. The Revenge of Geography // Foreign Policy, 2009. May-June, pp.96-105. Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power // Foreign Affairs, 2010, vol.89, #3 (May/June)

⁴ См.: Agnew J.A. The territorial trap: The geographical assumptions of international relations theory // Review of International Political Economy, 1994, #1, p.53-80; Agnew J. Geopolitics: Re-visioning world politics. London: Routledge, 2003; O'Tuathail G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis, 1996; O'Tuathail G. Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Security // The Journal of Strategic Studies, 1999, v.22, #2-3, P.107-125; O'Tuathail G., Dalby S. Rethinking geopolitics. London: Routledge, 1998; O'Tuathail G. Geopolitical structures and cultures: towards conceptual clarity in the critical study of geopolitics. // In L.Tchantouridze (Ed.) Geopolitics: Global problems and regional concerns. Winnipeg: Centre for Defence and Security Studies, 2004, p.75-102; Geopolitics in a Changing World. N.Y., 2000; O'Tuathail G. Borderless worlds? Problematizing discourses of deterritorialization. Geopolitics, 2000, #4; Dalby S. Imperialism, domination, culture: the continued relevance of critical geopolitics. // Geopolitics, 2008, 13(3), p.413-436; Dittmer J., Dodds K. Popular geopolitics past and future: fandom, identities and audiences. // Geopolitics, 2008, 13(3), pp.437-457; Dodds K. J. Global geopolitics: A critical introduction. London: Pearson Education, 2005 и др.

⁵ Tuathail G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Space. Minneapolis, 1996, P. 57.

перестало быть объективной данностью и стало восприниматься как социально-конструируемое. Если для классической геополитики пространство и территория играли каузальную роль – выступали в качестве одной из основных причин, если не детерминанты человеческих деяний, то критическая постмодернистская тенденция исследовала то, как пространство можно инструментализировать, а также фокусировала внимание на способах его интерпретации и деконструкции.

Ревизионистская тенденция акцентировала внимание на способах актуализации и использования ландшафта и пространства для достижения политических целей. Познавательный интерес в результате оказался смещен в направлении исследования политического дискурса и коммуникации. Не просто объективно существующие естественные границы, горные цепи и русла рек, но то, что приписывает им соответствующий политический дискурс, задаёт стратегическое значение этих объектов и тем самым определяет их особую функцию и историческую и политическую значимость. Таким образом, огромное количество естественных особенностей географической среды коммуникативно активизируется лишь в особых обстоятельствах. Критическая геополитика не порывала окончательно с аргументами, согласно которым географическая (геополитическая) мотивация приводила в действие определенные политические процессы, но попыталась описать условия и рамки функционирования классической геополитической аргументации, возможности ее воздействия на политические реалии. Новый подход концентрировался на том, чтобы вскрыть легитимирующую основу действий и событий мировой политики, установить их связь с определенными интересами⁶. Подобная трансформация позволяла приблизиться к пониманию того, как сложился нынешний, якобы естественный, политико-пространственный порядок вещей и как он воспроизводится или изменяется в определенных политических обстоятельствах и посредством конкретных коммуникативных и дискурсивных практик.

К числу основных направлений ревизионистских геополитических исследований принято относить:

- т.н. «формальную геополитику» (объектом исследования которой является развитие геополитической мысли и геополитической традиции; иными словами речь идет о критической саморефлексии представителей дисциплины);

- «практическую геополитику» (объемлющую широкий круг массовых географических и собственно геополитических символов, образов, представлений, а также преобладающие в искусстве государственного управления геополитические концептуализации международных проблем современности);

- «популярную геополитику» (геополитические представления, распространяемые посредством масс медиа и иных каналов коммуникации и оказывающие существенное влияние на формирование национальной, цивилизационной и иной идентичности и на конструирование имиджей «иных» народов и соответствующих географических локусов);

- структурную геополитику (концентрирующуюся прежде всего на глобальных процессах, тенденциях и противоречиях, на проблемах воздействия

---

⁶ Наиболее ярко эта тенденция проявилась в рамках т.н. «радикальной геополитики» см. об этом: Mercille J. The radical geopolitics of US foreign policy: Geopolitical and goeconomic logics of power // Political Geography, 2008, Vol.27, pp.570-586

глобализации и информатизации, реалий общества риска, трансформирующих геополитические практики).

Кроме того, критическая геополитика включила в себя широкое поле совсем уж постмодернистских и феминистских исследований⁷.

В рамках критической геополитики была предпринята попытка осмыслить социально обусловленный характер географических данностей, рамки их функционирования, возможности воздействия на политические реалии и зависимость суждений конкретных практикующих политиков (и геополитически мыслящих аналитиков) от существующего идейно-политического контекста. В результате критическая геополитика акцентирует внимание на «картах смыслов и значений не в меньшей степени, чем на картах государств»⁸.

Геоэкономика

Наконец, все более существенное внимание уделяется влиянию на эволюцию геополитической ситуации экономических процессов. Геоэкономика начинала восприниматься чуть ли не в качестве антипода геополитики – если последняя фокусирует внимание прежде всего на конфликтах, то первая якобы сосредотачивает внимание на аспектах кооперации и сотрудничества в международных отношениях.

На самом деле экономические конфликты в новых условиях выдвигаются на первое место среди групп потенциальных международных противоречий. Кое-кто даже прогнозирует в этой связи наступление эры «реалэкономики», т.е. периода истории, суть и основное содержание которого составят жесткие (возможно конфронтационные) экономические действия, направленные на достижение государствами и иными центрами силы собственных, в том числе политических, интересов⁹.

Разумеется, геоэкономике никак нельзя рассматривать в качестве антипода и альтернативы геополитике. Собственно говоря, геоэкономика лишь концентрирует внимание на тех формах конфликтов, которые, по мнению ее активных сторонников, являются на сегодняшний день доминирующими и определяют содержание политических процессов на международной арене. Сама международная арена при этом остается ристалищем конкурирующих стратегий, обеспечивающих тем или иным государствам и/или интеграционным объединениям место под солнцем.

---

⁷ Debrix F. Tabloid terror: War, culture and geopolitics. New York: Routledge, 2008; Dalby S. Warrior geopolitics: Gladiator, Black Hawk Down and The Kingdom Of Heaven // Political Geography, 2008, Vol.27, p. 439-455; Hyndman J. Mind the gap: bridging feminist and political geography through geopolitics // Political Geography, 2004, Vol. 23, p.307-322; Kofman E. Feminism, gender relations and geopolitics: problematic closures and opening strategies. // In E. Kofman and G. Youngs (Eds.). Globalization: Theory and practice. London/New York: Pinter, 1996, pp.209-224; England K. Towards a feminist political geography? // Political Geography, 2003, Vol.22, p.611-616 и др.

⁸ O'Tuathail G., Dalby, S. Introduction: Rethinking geopolitics: Towards a critical geopolitics. // In: O'Tuathail G. and S. Dalby. Rethinking geopolitics. London: Routledge, 1998, p.4

⁹ См.: Agnew J.A. Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical reasoning in American Foreign Policy // Political Geography, 1992, v.11, №2, p.190-204; Luttwak E. From Geopolitics to Geo-Economics // National interest, 1990, №20, p.1-24; Luttwak E. The Coming Global War for Economic Power // The International Economy, 1993, №5, p.28-69; Luttwak E. The Endangered American Dream: How To Stop the United States from Being a Third World Country and How To Win the Geo-Economic Struggle for Industrial Supremacy. New York, 1993; Luttwak E. Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. New York, 1999; Lorot P. La Géopolitique (with François Thuau). Montchretien, 2002; Sparke M. Geopolitical fears, geoeconomic hopes, and the responsibilities of geography // Annals of the Association of American Geographers, 2007, 97(2), pp.338-349; Lorot P. Introduction à la Géoeconomie. Paris: Economica, 1999; Lorot P. Guerre et économie (co-direction of the work with Jean-François Daguzan). Paris: Ellipses, 2003 и др.

Приверженцы геоэкономического анализа отталкивались в своих рассуждениях от вполне очевидной констатации того факта, что ряд геополитических концептов и теоретических конструкций явно устарел. Понятие «жизненное пространство», например, утратило смысл в силу развертывания процессов глобализации. И поскольку статическая защита границ и борьба за контроль над пространством в ее классическом виде лишаются в этих обстоятельствах смысла, особую роль начинает играть поиск релевантной адаптивной стратегии, стержнем которой становится экономическая политика, призванная максимизировать объем финансовых, информационных и иных типов ресурсов, находящихся в распоряжении того или иного сообщества. Геоэкономическое соперничество – это по существу состязание, цель которого улучшить «турнирное положение» на мировом рынке своей страны, создавая условия для непрерывного и достаточно динамичного экономического роста. Геоэкономическая стратегия сопряжена с попытками «завоевания экономической территории будущего», стимулирования исследовательской деятельности и перспективных наукоемких производств, развития торговли, усиления финансовой мощи государства.

Своеобразным ответвлением геоэкономической проблематики можно считать вопросы т.н. «энергетической геополитики» и столь широко распространенной ныне на самых разных политических и аналитических уровнях энергетической безопасности¹⁰.

Некоторые итоги

Нового геополитического main stream'a взамен классической геополитике не возникло. Методологически универсальное и системное видение современных глобальных процессов остается в рамках новых концептуализаций недостижимым. Поиски эффективных аналитических инструментов продолжаются¹¹. Исследователи пытаются выделить несколько структурно обусловленных уровней анализа формирующегося мирового порядка и выстроить новое системное видение системных проблем. Однако вопрос о том, являются ли подобного рода исследования геополитическими или же тяготеют к реалистской традиции теории международных отношений остается открытым. Как остается открытым на сегодняшний день вопрос о соответствии концептуальных построений геополитического ревизионизма или неоклассического подхода сложным практическим задачам политического анализа и прогнозирования.

---

¹⁰ См. Об этом: Armitage R. The new geopolitics, introduction. // In: Bloomfield, L.P. (Ed.), Global Markets and National Interests, the new geopolitics of energy, Capital, and Information, Significant Issues Series, Vol. 24(3). Washington: Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2002; Kalicki, J.H., Goldwyn, D.L. (Eds.) Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy. Washington: Woodrow Wilson Press, 2005; Klare M.T. Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy. New York: Metropolitan Books, 2008; Moran, D., Russell, J.A. (Eds.) Energy Security and Global Politics: The Militarization of Resource Management. N.Y.: Routledge, 2009; Mert B. Geopolitics of European natural gas demand: Supplies from Russia, Caspian and the Middle East // Energy Policy, 2009, Vol.37, pp. 4482-4492; Morse E.L., Richard J. The battle for energy dominance. // Foreign Affairs, 2002, Vol.81, #2; Stulberg A.N. Moving beyond the great game: the geoeconomics of Russia's influence in the Caspian energy bonanza. // Geopolitics, 2005, 10 (1), 1–25.

¹¹ См. об этом: Dussouy G. Systemic Geopolitics: A Global Interpretation Method of the World // Geopolitics, 2010, Vol.15, #1.